

РАЗВЕДКА

41го

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

СМЕРТЬ В ТЫЛУ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 **Смерть в тылу / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).**

ISBN 978-5-04-229867-7

Осень 1944 года. Советские войска готовятся к наступлению на Сандомирском плацдарме. Используя затишье, разведчики собирают сведения в тылу противника. Возвращаясь из очередного рейда, капитан Глеб Шубин натывается в лесу на тело задушенного советского танкиста. И это в расположении боевой части! Разведчику такая смерть кажется странной. Первая версия — ссора погибшего с сослуживцами. Но у всех подозреваемых есть алиби. Неожиданно Глеб вспоминает, что неподалеку от места происшествия он встретил двоих караульных. Однако, как выяснилось, никакого поста в этом месте никто не выставлял. Капитан решает самостоятельно решить эту загадку и вступает в опасную схватку с незримым врагом...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-229867-7

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нудный мелкий дождь не прекращался уже целую неделю. Серые дни и холодные ночи были настолько пропитаны влагой, что одежда, вплоть до нижнего белья, была такой мокрой, что не успевала просыхать даже за ночь, когда ее развешивали на просушку.

В домах и квартирах городка Опатув, где расселился в основном офицерский состав 56-й гвардейской танковой бригады под командованием полковника Слюсаренко, было ничуть не лучше, чем на улице. Протапливать удавалось далеко не все помещения — сухих дров практически невозможно было раздобыть, а об угле никто даже и не мечтал. Поэтому даже офицерам приходилось целыми днями ходить во влажном обмундировании, что уж говорить о простых бойцах, которые ночевали в палатках, блиндажных землянках или в надворных постройках.

— Если дождь не прекратится и будет идти хотя бы еще пару дней, нам придется переквалифицироваться в матросов и ставить наши танки на вода-

ные лыжи, чтобы наступать дальше, — шутили танкисты.

Вся техника бригады, да и всей третьей танковой армии Рыбалко, и вправду стояла, увязнув по самый корпус в жидкой грязи, и передвигаться на этой технике не было никакой возможности. Боевые действия, которые не прекращались до конца августа, закончились месяц назад. Погода после жаркого августа стала дождливой, и обе стороны — весь 1-й Украинский фронт и его противник — на этом направлении встали на вынужденную передышку.

Глеб Шубин сидел на трехногом табурете за неказистым, грубо сколоченным столом и играл в шахматы с младшим лейтенантом Анатолием Зубовым. Второй его боевой товарищ, лейтенант Ренат Астафьев, сидел у окна и ремонтировал хозяйские часы. На печи изредка побряхтывала, переворачиваясь с боку на бок, сама хозяйка хаты — древняя старуха полька. Со старухой жила еще внучка, девочка лет восьми, но сейчас ее не было (ушла поиграть к соседским детям), и в единственной комнате покосившегося старого домика было серо, сыро и тихо. Света в комнатке от небольшого окна было немного, поэтому на подоконнике, где были разложены колесики, пружинки и другие мелкие детали часового механизма, стояла еще и керосиновая лампа. Уж чего, а керосину для ее заправки хватало. Но одним керосином печь не растопишь и сы-

рость из дома не выгонишь. Дрова же закончились два дня назад, и как Шубин ни пытался раздобыть сей дефицитный товар, найти даже вязанку хвороста он так и не смог. Питались сами и кормили старуху сухпайком и тем, что удавалось приносить из полевой кухни, в которую наведывались раз в сутки за горячим кипятком и кашей.

Теперь же, в перерывах между ходами, Глеб с тоскливой задумчивостью смотрел в оконце и размышлял на тему смысла бытия. Именно в такую погоду ему почему-то всегда хотелось думать о том, что́ есть человек в этой жизни, для чего он живет и правильно ли он живет. Откуда и почему к нему приходили такие мысли, он и сам не знал. Может быть, причина таких раздумий таилась в вынужденном безделье, а может, в настроении, которое навевал монотонно барабанящий по крыше и оконцу дождь. И эта монотонность и неопределенность выматывали Шубина, как и начавшиеся с приходом плохой погоды головные боли, — давала знать о себе контузия, которую он получил еще весной, участвуя во взятии Одессы.

Шубин, который задержался на правом берегу Вислы после спецоперации во Львове, не сразу смог попасть обратно в свою часть, которая ушла тогда без него вперед и вела бои с противником, завоевывая и расширяя Сандомирский плацдарм. Пришлось Глебу временно выполнять свою развед-

работу то в одном, то в другом подразделении, прежде чем у него появилась возможность вернуться в слюсаренковскую бригаду. Это произошло примерно в середине августа — после того как был взят Шидлув и начались бои за Хмельник. Бои, которые, надо сказать, закончились впоследствии неудачей. Уже позже, будучи в своей бригаде, Шубин узнал, что к концу августа немцы вновь отбили у советских войск Шидлув и Стопницу, отодвинув фронт на этом направлении до Сташува. Танковые бригады под Опатувом, хотя и с большими потерями, но выдержали натиск немцев и теперь в ожидании благоприятной для дальнейшего наступления погоды они, можно сказать, отдыхали.

Хотя какой может быть отдых в такую-то погоду? Одна головная боль, а не отдых. Технику в любую погоду следовало держать в боевой готовности, а как ты ее будешь держать, эту готовность, когда твой танк заливают и снизу и сверху водой? Механики-водители ругали дождь на чем свет стоит, но поделаться ничего не могли, как ни старались.

Но были в таком вынужденном простое и свои плюсы. Все солдаты, будь то пехотинцы, танкисты или артиллеристы, и вправду устали от бесконечно длившихся боев и переходов. Устали и физически и морально. Теперь же, когда ожидалось, что наступление не начнется раньше, чем установится сухая погода и морозы не превратят грязь и воду в твер-

дую землю, по которой сможет пройти даже тяжелая техника, все расслабились и занялись своими делами.

Повара старались готовить обеды посытнее (ради этого вокруг города и в самом городе были вырублены практически все уцелевшие после боев деревья), а бойцы радовались возможности поесть не какой-то там сухпаек, состоящий из сухарей да консервов, а настоящих горячих щей или каши с кониной. Красноармейцы приводили в порядок оружие и технику, чинили одежду, писали письма любимым, родным и близким. Время покоя и отдыха постепенно залечивало порезы, синяки и ссадины, мозоли, натертые сапогами, душевные раны и тоску по женам, детям, матерям и погибшим в недавних боях товарищам.

Но и этот вынужденный простой вовсе не был таким уж спокойным и безмятежным, как могло показаться со стороны. Войска 1-го Украинского фронта все еще переправлялись через Вислу. Боевые соединения постепенно пополнялись бойцами, техникой и боеприпасами. В Опатув или в его окрестности каждый день, несмотря на непрекращающийся дождь и зыбкую грязь, прибывали новые части. Вот и сейчас Шубин наблюдал, как мимо окна проехали несколько грузовиков, прошагала колонна пехотинцев, с трудом протащили на лошадях несколько орудий.

«Люди сейчас больше всего похожи на муравьев, — думал Шубин. — Вот они тянут на себе много того, что считают нужным и необходимым в данную минуту. Готовятся к зиме. Только кроме бревен для укрепления траншей и строительства блиндажей, кроме запасов продовольствия для укрепления своих физических сил они несут еще и оружие. Оружие, которое поможет нам продвигаться дальше на запад, поможет выжить, когда враги начнут атаковать и попытаются выбить нас с нашего плацдарма. Нашего, потому что хотя он и находится на польской земле, но мы ответственны за эту землю, за людей, которых освободили и будем дальше освобождать от фашистской нечисти...»

Глеб глядел на проходившую мимо окна пехоту, на лошадей, с трудом тянувших по грязи пушки, на измученных переходом артиллеристов и поймал себя на мысли, что он наблюдает за всем происходящим за окном каким-то отстраненным, чужим взглядом. Словно он сидящий в полутемном кинозале зритель, который смотрит старый немой черно-белый документальный фильм о Первой мировой войне. И все эти измученные, серые, заляпаные грязью люди не имеют к нему, Глебу Шубину, никакого отношения. С трудом отогнав от себя монокль, Глеб отвернулся от окна и посмотрел на шахматную доску.

— Твой ход, товарищ капитан, — напомнил ему младший лейтенант Зубов — веселый, чубатый и весьма симпатичный парень.

Анатолий не сразу понравился Шубину, который, вернувшись в танковую бригаду, был поставлен командиром одной из рот моторазведчиков. Зубов лихо гонял на мотоцикле и вообще, как показалось тогда Глебу, любил выставлять себя всегда и везде на первое место. Еще одной особенностью молодого разведчика была любовь к разного рода пари и азартным спорам. Но через пару недель, узнав Зубова поближе, Глеб вынужден был признаться самому себе, что ошибался в нем. Анатолий оказался хорошим товарищем, его уважали не только в роте, но и во всем полку. Он был честен, принципиален и весьма опытен в разведке, хотя и воевал не так уж давно — чуть больше года. А те черты характера Зубова, которые Глеб поначалу принял за самохвальство и гордыню, на поверку оказались стремлением сделать для Родины, для победы и для своих товарищей как можно больше хорошего, доброго и ценного. Ему, Зубову, как выяснилось, было просто жалко посылать рядовых разведчиков на сложные и связанные с риском задания. Только для того, чтобы сохранить кому-то из своих боевых друзей жизнь, он и вызываться всегда идти в разведку добровольцем.

Когда Глеб понял, что движет Zubовым и что тот во многих отношениях похож на него, Шубина (разве что характеры у них были прямо противоположны), он сблизился с младшим лейтенантом. Вскоре их отношения переросли в нечто большее, чем отношения командира и подчиненного, — они стали друзьями.

В разведку Шубин не ходил уже практически две недели. И не потому, что разведка, как и все остальные войсковые соединения 56-й танковой бригады, встала на вынужденный отдых, и не из-за дождей, а оттого, что был ему и его роте дан такой приказ — отдыхать. И теперь, когда рота Шубина находилась на так называемом коротком отпуске и Глеб делил с Zubовым не только жилище, но и ел из одного котелка (свою порцию каши Глеб отдавал старой хозяйке и ее внучке), они сблизились еще больше.

Повернувшись к шахматной доске, Шубин вновь сосредоточился на игре, но его размышления внезапно прервались — входная дверь отворилась и в комнату шагнул человек в плащ-палатке. Из-за накинутого на голову капюшона, который скрывал лицо, Шубин не сразу узнал в вошедшем командира разведбатальона майора Бабенко.

— Сидите, сидите, — махнул рукой майор, когда все трое встали со своих мест. — Чисто у вас, — заметил он, кивнув на пол, и начал вытирать подошвы сапог о тряпку, лежавшую на пороге. Затем

снял мокрую плащ-палатку и повесил ее на гвоздь, торчащий у входа. — Чем заняты? — Он шагнул к столу, за которым сидели Шубин и Зубов.

Бабенко еще ни разу за все время не приходил в дом, где квартировал Шубин. Майор вообще не был склонен много двигаться. Был он тучный и страдал одышкой, говорили, что у него большое сердце, а в сырую погоду он легко простужался. И хотя он был хорошим командиром и организатором (что было основной причиной, почему его назначили командовать разведбатальоном), в практической разведке мало что понимал и полагался в основном на ум и опыт своих командиров рот. Бабенко не старался спорить с ротными, не навязывал им своего видения ситуации, а наоборот, прислушивался к их мнению и советам. Что и вызывало к нему уважение его подчиненных.

Когда Шубин прибыл наконец-то в танковую бригаду, то Бабенко, изучив приказ и выписку из личного дела, которые ему передал Глеб, предложил ему стать своим заместителем.

— Признаюсь честно, капитан, — сказал тогда ему майор, — я никогда в разведку сам не ходил. Посуди сам, куда я пойду со своей-то комплекцией? Да и здоровье не то, чтобы под проволокой ползать и многие километры пешком отмахивать, — вздохнул он. — Но вот назначили меня сюда и деваться мне некуда — приходится выполнять приказ,

хотя я два раза и писал рапорт о смене службы. Не хотят менять меня, и все тут.

— Вы, товарищ майор, и на своем месте хорошо управляетесь, — заметил командующий бригадой гвардии полковник Захар Карпович Слюсаренко, который присутствовал при разговоре. — Я, например, вас ни на кого бы другого не променял. Да и мои разведчики, насколько я знаком с их мнением, тоже.

— Так что? Согласитесь вы, капитан Шубин, помочь мне в моем нелегком деле? — с надеждой посмотрел на Глеба Бабенко.

Глеб ответил не сразу, хотя и понимал, что ответ его будет однозначно «нет». Он не хотел расстраивать этого пожилого майора, но и оставаться при нем и выполнять, можно сказать, все обязанности командира батальона разведчиков ему не хотелось. Не за тем он возвращался в бригаду, чтобы отсиживаться при штабах.

— Разрешите отказаться, — наконец ответил он и посмотрел на Бабенко решительным взглядом. — В приказе сказано оставить меня командиром роты, и мне бы не хотелось...

— Вот, а что я тебе говорил! — рассмеявшись, прервал Шубина Слюсаренко, обращаясь к майору. — Так что ты, Тимур Олегович, на этого капитана и не надейся. Я его раскусил с того самого момента, когда он у меня в бригаде в первый раз по-

явился. Такой сидеть в штабе и протирать штаны на табурете не будет. Не в обиду тебе будь сказано. Ты ведь понимаешь, что я имел в виду.

— Понимаю, — ничуть не обидевшись на реплику о протирании штанов, ответил майор. — Ну, нет так нет, — развел он полными руками. — И я с тобой, Захар Карпович, согласен — такой командир роты, как капитан Шубин, стоит двух таких, как я, — штабистов.

На том и порешили — назначили Шубина командиром второй роты разведчиков-мотострелков. И если бы не дожди...

— В шахматы играем, товарищ майор, — ответил на вопрос Бабенко Зубов.

— Шахматы? — удивился майор, подходя и рассматривая шахматную доску на столе. — Откуда в этом захолустном городишке взялись шахматы?

— Да кто его знает, — пожал плечами Зубов. — Я их у лейтенанта Дробышева из первой роты на пачку немецких сигарет выменял три недели назад. Наверное, немецкие офицеры развлекались, а когда время пришло ноги уносить, то бросили в спешке. Да вы садитесь, товарищ майор, — подвинул он Бабенко свой табурет.

— Да, скорее всего, так и есть, — сказал Бабенко, садясь. — Похоже, немецкая это забава. А вы как думаете, капитан? — посмотрел он на Глеба.

— Может, и так, — согласился Шубин. — Хотя почему бы и полякам не играть в шахматы? В городе до войны наверняка не только рабочие и крестьяне жили, но и интеллигенция.

— А что, только интеллигенция в шахматы умеет играть? — с недоумением и обидой в голосе спросил Зубов. — Я вот никакие институты не оканчивал, а играть умею и очень даже эту игру уважаю.

— Толя, ты в свободной стране родился и жил, — заметил ему Бабенко. — У нас в Советском Союзе всем игра в шахматы доступна. А вот Польша — страна капиталистов. Ты сам-то можешь себе представить, чтобы в царской России простой рабочий или крестьянин мог в шахматы в свободное от работы время играть?

— Это да, — почесал в затылке Зубов. — Это я просто не подумав сказал.

— Чей теперь ход? — заинтересованно спросил Бабенко.

— Мой, — ответил Глеб.

— Ага. Давай-ка посмотрим, как ты пойдешь, — с азартом, жадно впившись взглядом в шахматное поле, проговорил майор.

Глеб пару минут раздумывал, а затем, сняв ладью соперника, объявил Зубову шах.

— Хорошо пошел, — одобрительно заметил Бабенко. — Но я бы по-другому сходил и потом следующим ходом мат поставил.

— Какой мат, товарищ майор?! Не может быть тут никакого мата при любом раскладе! — возмущенно воскликнул Зубов, который, надо сказать, был очень хорошим игроком в шахматы и к тому же не любил проигрывать.

Глеб же, напротив, в этой игре был не слишком силен и играл в нее с Зубовым только от скуки и чтобы доставить другу удовольствие.

— Разрешить? — хитро посмотрел на Глеба Бабенко и, получив позволение, поставил на место и ладью Зубова, и фигуру Шубина, которая эту ладью срезала. — А теперь учишь, Толик, — рассмеялся он и пошел совсем другой фигурой, чем вызвал удивление Зубова.

— Так я же ее сейчас съем, — усмехнулся он и действительно съел коня, которого Бабенко подставил под удар.

— Ну и на здоровье! — ответил майор и поставил свою ладью, которой ранее ходил Шубин, рядом с королем Зубова и заявил торжественным тоном: — Вам мат, батенька.

Младший лейтенант на мгновение замер, соображая, по-видимому, как же так получилось, что он проиграл, а потом, чертыхнувшись, признался:

— Ловко вы меня надули, товарищ майор. Чистая победа.

— Ничего я тебя не надувал, — обиженно проговорил Бабенко. — Просто ты сам оплошал и не

увидел явного своего преимущества в этой партии. Смотри, — майор расставил обратно снятые с доски фигуры. — Если бы ты не позарился на отданного тебе мной на съедение коня, то мог бы пойти вот так, а потом вот так и так... — Бабенко ловко и уверенно стал переставлять фигуры на поле. — И вот ты загоняешь своего соперника в угол и объявляешь ему мат! — торжественно объявил майор.

— Вы, товарищ майор, прямо Михаил Ботвинник, — восхищенно проговорил лейтенант Ренат Астафьев, который, забросив ремонтировать часы, тоже наблюдал за разъяснениями Бабенко. — Где вы так научились играть в шахматы?

— В школе Михаила Ботвинника, — рассмеялся Бабенко.

— Теперь я понимаю, почему вас не хотят куда переводить с командиров разведбатальона, — заметил Астафьев. — Такого великого стратега, как вы, товарищ майор, им нигде больше не найти.

— Такое дело надо отметить, — вдруг засуетился Зубов. — Сбегаю к соседям за кипятком. У меня и сахар есть. Чаю поьем, что ли? — вопросительно посмотрел он на Бабенко. — Не торопитесь, товарищ майор?

— Не тороплюсь. Но ты погоди с чаем. Я к вам, собственно, по делу пришел, а не в шахматы играть, — улыбнулся майор. — Хотя, надо сказать,

удовольствие получил такое, какого давно не получал.

Шубин, услышав о деле, встал и, поправив гимнастерку, выпрямился в ожидании приказа. Но Бабенко снова махнул рукой и сказал:

— Не суетись, капитан. Дело делом, а я все-таки не в штаб вас вызвал, а в гости зашел. Так что вставать и вытягиваться по уставу совсем не обязательно.

Глеб потоптался немного на месте, но потом все-таки сел.

— Я так думаю, что у вас хотя и есть чем время скоротать, — кивнул майор на шахматы, — а все одно засиделись вы тут без дела-то. Прав я?

— Так точно, товарищ майор, — ответил Глеб. — Тоскливо как-то без дела. Даже шахматы уже надоели и не радуют.

— Это хорошо, что тоскливо, — улыбнулся Бабенко. — Потому как мне не хочется вас насильно в такую-то собачью погоду отправлять на задание. Но раз уж вам скучно и шахматы уже порядком надоели, то совесть моя будет спокойна. У нас ведь в танковых частях как с разведкой? Вот скажи мне, младший лейтенант, — посмотрел он на Зубова.

— Понятное дело, не так, как, скажем, у пехоты или у авиации, — с готовностью ответил тот. — В нашем танковом разведбатальоне используется тактическая разведка, в которой задействуют по

необходимости отдельные разведдозоры и разведывательные группы, состоящие из броневтомобильных, танковых и мобильных мотоциклетных рот. Мотоциклетные дозоры и моторизированные пехотные роты, например, выделяются для продвижения на глубину в 5—7 километров в тыл врага. Если необходимо усиление...

— Достаточно, — рассмеявшись, остановил Зубова Бабенко. — Я уже понял, что ты отлично знаешь тактику ведения разведки в танковых войсках. Но сейчас у нас погода не та, чтобы вести дозоры и разведки на какой-либо вообще технике, — серьезно добавил майор. — Авиация, как и вся остальная техника на нашем фронте, стоит без дела и дожидается улучшения погодных условий. И никто, кстати, не знает, когда оно, это улучшение, наступит. Поэтому принято решение выслать разведгруппу в тыл к немцам и выяснить, какие у них имеются планы по обороне на участке продвижения нашей танковой бригады.

Бабенко замолчал и посмотрел на Шубина.

— Я готов, — правильно понял его взгляд Глеб и снова встал по стойке «смирно».

— Да сиди ты, — поморщился командир батальонной разведки. — Кандидатуры лучше, чем твоя, капитан, для такого дела у меня нет. Мои ребята, хотя некоторые и воюют не первый год, больше привыкли на транспорте передвигаться, и всем тон-